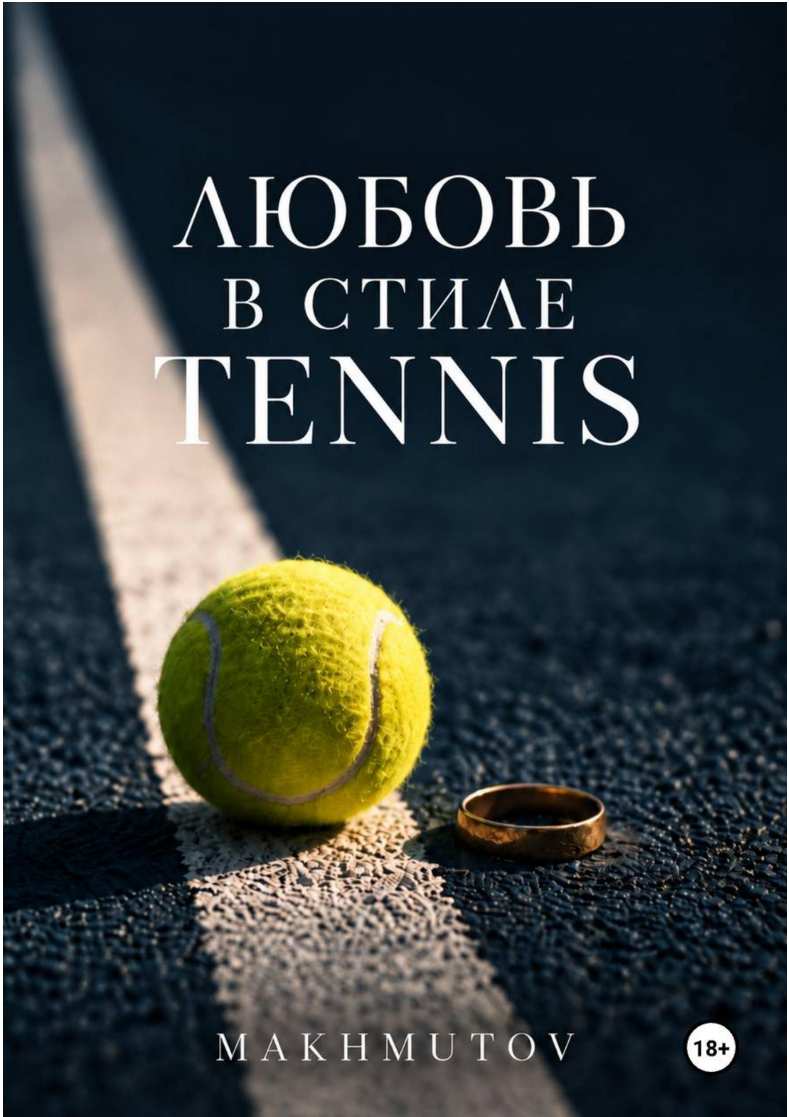

ЛЮБОВЬ
В СТИЛЕ
TENNIS
MAKHMUTOV
18+

MAKHMUTOV MAKHMUTOV

Любовь в стиле Tennis

https://litres.ru/74881604
SelfPub; 2026

Аннотация

Лиза бронирует корт для всей группы. В воскресенье в семь утра приходит только Павел. Вскоре они уже играют вдвоём каждую неделю, и он знает, что в её кофе нужно добавить корицу.

Дома Дима ждёт, когда Лиза выберет окно для кухни в их строящемся доме под Арамилью. Когда-то это он подарил ей абонемент в теннисный клуб. Теперь она откладывает ответ про окно и заранее бронирует корт на следующее воскресенье. А однажды, отвечая на Димино «Ты где?», Лиза наберёт правду, перечитает и сотрёт.

Содержание

Часть первая. Разминка 4
1. Чужая бронь 4
2. Вторая подача 13
3. На семь взяла 25
4. А. Понятно 35
Часть вторая. Первый сет 43
5. Майка 43
Конец ознакомительного фрагмента. 52

MAKHMUTOV
Любовь в стиле Tennis

Часть первая. Разминка

1. Чужая бронь

Корт был занят.

Лиза увидела это ещё с парковки. На четвёртом, на их четвёртом, под фонарями двигались двое в белом. Тот, что в кепке козырьком назад, подавал так, словно забивал сваи. Его сумка висела на калитке и закрывала номер. Лиза заглушила мотор. Без девяти восемь, плюс двадцать шесть. От ёлочки, которую Дима в июле повесил на зеркало, осталась одна зелёная картонка. Пахло нагретым пластиком.

Она открыла приложение. «Малахит», корт 4, вторник, 20:00–21:30, группа Р. Галимова. Бронь значилась оплаченной.

Телефон зазвонил, пока она доставала сумку из багажника.

— Лиза Андреевна, я приехал.

— Куда приехал, Сергеич?

— Ну как куда. На Тобольский тракт.

Она поставила сумку на асфальт.

— Ты в Тюмени?

— А где мне быть? Тобольский тракт, двенадцать. Как в накладной.

— В накладной Тобольск, Сергеич. Город.

В трубке орал телевизор, потом что-то зашипело. Сергеич уже нашёл придорожное кафе. Он любил поесть до разгрузки, пока ещё не надо никуда двигать машину.

— Навигатор так показал, — сказал он. — Я подумал, может, склад у них в Тюмени.

Лиза открыла карту. В строке поиска после двух букв первым выскочил Тобольский тракт.

— Ты подумал.

— Ну.

— Двадцать тонн плитки, Сергеич. Двести пятьдесят километров.

Он перестал шуршать, и телевизор стало слышно лучше.

— Ешь. Потом на стоянку. В шесть выезжаешь, к обеду будешь на складе. Я предупрежу. И навигатор свой… Просто не слушай его больше.

— А кого слушать?

— Меня, — сказала Лиза и отключилась.

Она переслала Сергеичу точку из переписки с кладовщиком и дождалась его «вижу». Тот, в кепке, снова подал в сетку и выругался на весь корт, коротко и с удовольствием.

Лиза подошла к калитке.

— Извините. У нас здесь группа в восемь.

Мужчина обернулся. На мокрой футболке лежала золотая цепочка.

— А у нас бронь.

— У нас тоже бронь.

— Девушка, — сказал он ласково, как говорят с кассиршей, пробившей не то, — у нас с семи до девяти. Вот.

Он показал ей телефон через сетку. Четвёртый корт, с семи до девяти.

— Значит, приложение продало корт два раза.

— Значит, продало. Мы раньше пришли.

Лиза посмотрела на его партнёра. Тот вытирал полотенцем шею и глядел куда-то поверх обоих. Над фонарём толклась мошкара. Одну мошку она прихлопнула у себя на запястье.

— Это не очередь в поликлинику. Это бронь.

— Вот и я говорю, — согласился мужчина с цепочкой и пошёл подавать.

* * *

Руслан приехал без пяти восемь, выслушал обоих, никому не поверил и позвонил администратору. Администратор не ответила.

— Шестой свободен, — сказала Лиза. — Могу взять.

— Ещё чего. За один мы заплатили. Пошли на шестой. Там фонарь мигает, но играть можно. А этот пусть подавится своим четвёртым.

«Подавится» он бросил уже на ходу, своим.

На шестой пошли семеро. Из её группы Оля, Георгий Ильич и тихий Вадим, который ходил через раз. Остальные трое раньше занимались по понедельникам у Серёжи Лаптева. Серёжа в августе уволился и уехал в Сочи тренировать людей, у которых есть деньги и море, а его игроков Руслан теперь пристраивал по своим вечерам.

— Сливаемся, — сказал Руслан. — Разминка по парам, потом диагонали, потом на счёт. Корнилова! Самойлов! Вы вместе.

Самойлов оказался высоким, в серой футболке. Обмотка на его ракетке протёрлась до белых пятен. Он кивнул ей.

— Павел.

— Лиза.

— По фамилиям! — поправил Руслан через весь корт.

Георгий Ильич сказал «правильно». Лиза пошла на свою половину. На разминке у линий подачи играли по две пары сразу, каждая со своей стороны от средней линии. Остальные ждали у ограды, пока Руслан не свистнет на смену.

Самойлов никак не мог укоротить удар. Мяч то падал на его стороне, то перелетал квадрат. Каждый раз он говорил «извините» и сам шёл за ним, даже когда ближе была она. Потом Руслан выставил пары к задним линиям по той же схеме. Лиза уже сама была рада, когда мяч летел мимо. Самойлов бил плоско и сильно, с громким хлопком. Часто попадал в сетку, ещё чаще в аут. На то, что оставалось в корте, Лиза

едва успевала поставить ракетку.

Перед ударом у него на предплечье проступала жила. Кожа выше локтя была светлее, туда не доставало солнце. Лиза задержалась взглядом на этой полосе и пропустила мяч. Он не сказал «извините». Пожалуй, заметил, что теперь извиняться была её очередь.

На диагоналях пары выходили по очереди. Когда им достался весь корт, Лиза перестала отвечать ему силой. Посылала длинно под левую и ждала. Он обегал мяч, чтобы ударить справа, торопился и раз за разом попадал в сетку.

— Сука, — сказал он негромко, когда очередной мяч застрял внизу. — Простите.

— Ничего.

К концу разминки пятый корт освободился. Руслан отправил туда Вадима и двоих из бывшей группы Лаптева. Оля с Георгием Ильичом остались на шестом у ограды ждать своей очереди.

Руслан велел сыграть сет до шести геймов. Первый гейм Самойлов взял за минуту. Три эйса и одна подача, которую Лиза вернула в сетку. На её подаче он пытался выиграть с приёма и почти всегда ошибался. При счёте один — один Самойлов промахнулся первой, отступил на шаг, снова подбросил мяч и со всей силы вбил его в сетку. Следующие две подачи вылетели за линию.

— А вторая у вас есть? — спросила Лиза через сетку. — Или это что-то религиозное?

Оля засмеялась первой. Георгий Ильич сказал «ой-ой». Сейчас он обидится, сделает лицо, и ей до половины десятого играть с человеком, который делает лицо.

Самойлов подумал.

— Старообрядческое. У нас второй нет.

Он уже доставал мяч из кармана. Можно было встать на приём.

— Помогает?

— Не очень, — сказал он и посмотрел на табло, которого не было. — Ноль — тридцать.

Следующие две подачи она даже не достала. При тридцати ровно он снова рискнул на второй, потом ещё раз. Гейм ушёл к ней.

Лиза выиграла шесть — три. На последнем очке он угадал угол и рванул туда раньше, чем она ударила. На мгновение ей захотелось всё-таки послать мяч туда, куда он бежал. Когда поддавались ей самой, она злилась. Лиза придержала замах и сыграла ему за спину.

У сетки он протянул руку. Ладонь была горячая и влажная, пальцы длинные, и её рука в его оказалась неожиданно маленькой. Она пожала коротко, отпустила и вытерла ладонь о юбку. Сразу же стало интересно, заметил ли он, а посмотреть было поздно.

— Вы мне ни одного не подарили, — сказал он.

— А должна была?

— Нет. Спасибо.

Он впервые за вечер улыбнулся, одним углом рта. Лиза дала бы ему теперь лет на пять меньше.

Он пошёл собирать мячи. Лиза пила воду и смотрела, как он наклоняется. Между лопатками на футболке темнел треугольник. Когда он выпрямился, она отвернулась к соснам.

— Помолюсь над второй, — сказал он, проходя мимо с корзиной.

— Помолитесь.

* * *

Дома было душно, окна стояли нараспашку, со двора тянуло пылью и чьим-то шашлыком. Дима сидел на кухне без футболки, красный от солнца. На груди остался треугольник от расстёгнутой рубашки. На предплечьях засох цемент, серыми чешуйками. Дима сковыривал их ногтем на край тарелки.

— Смотри, — сказал он вместо «привет» и повернул к ней телефон. — Смотри, какая стена.

Серые блоки, между ними раствор, над ними небо. Он пролистал дальше. Опять стена, с другой стороны. Брат Женька в трусах и строительной каске показывает фак. Опять стена.

— Красивая, — сказала Лиза.

— Ровная. Красивая будет, когда облицуем. А это Женька в траншею упал. Как падал, я не успел снять.

На фотографии из траншеи торчали голова и одна рука с телефоном.

— Он же не себя спасал, а…

Дима засмеялся, не дослушав. Он и на третьем курсе смеялся раньше, чем она успевала договорить. Лиза села рядом и подтянула к себе телефон. Хотелось рассмотреть Женькино лицо.

— Котлеты будешь? Мать передала.

— Буду.

Он положил ей две со сковородки, холодные, как она любила летом.

— В субботу поедешь? Будем окна мерить. На кухню широкое хочешь или как в проекте?

Лиза жевала. Дима развёл пальцы на фотографии. Чтобы найти кухонное окно, Лизе пришлось представить, что она стоит за этой стеной и смотрит на участок.

Под проёмом на блоках шла синяя риска.

— По синей будет пол, когда стяжку зальём, — сказал Дима. — Встань. Вот здесь подоконник.

Лиза встала вместе с вилкой. Дима показал ладонью чуть выше кухонного стола. Она попробовала встать за воображаемым подоконником. Перед глазами остался холодильник.

— Может, у меня в субботу работа. Сергеич в Тюмени застрял.

— До субботы?

— Он может и до субботы. Ты его не знаешь.

Дима провёл пальцем по трещинке на экране, от неё как раз начинался оконный проём.

— А в прошлый раз ты сказала, там всё равно ещё стен нет. Я тогда сам замерю. Сниму тебе изнутри.

— Сними, — сказала она и вернула телефон.

* * *

В душе она долго стояла под прохладной водой. Плечи тянуло, под грудью краснела полоса от резинки топа. Лиза провела по ней пальцем и прибавила холодной.

Дима уже спал на спине, раскинув руки. От него пахло солнцем и немного цементом. Лиза легла с краю: слишком жарко.

В 23:41 телефон мигнул. Групповой чат, Руслан:

«Самойлов переходит к нам на вт/чт. Возражения не принимаются».

Оля поставила сердечко.

Лиза положила телефон экраном вниз. Через минуту снова взяла. Оля спросила Руслана про четвёртый корт. Самойлов ничего не написал. Лиза полежала, потом босиком прошла на кухню и съела третью котлету прямо со сковородки.

2. Вторая подача

В шесть утра из карьера тянуло холодом, как из погреба. Солнце ещё сидело за отвалами, и самосвалы на дне ползли с включёнными фарами. Сверху они казались не больше божьей коровки. Павел знал, что колесо такого самосвала выше его на голову, и всё равно каждый раз удивлялся.

Дёмин ставил базу. База стояла на треноге, тренога на щебне, щебень разъезжался, и Дёмин вполголоса материл треногу, щебень и Асбест как явление. Ему было двадцать четыре года, он работал в институте второй месяц и ещё думал, что его сюда сослали.

— Под заднюю ногу плоский найди, — сказал Павел.

Дёмин посмотрел на него, потом себе под ботинок, поднял камень и подложил. Тренога перестала качаться. Дёмин ещё немного подёргал её для порядка.

Маршрут для дрона Павел загрузил с вечера: сорок минут полёта, две батареи, перекрытие снимков семьдесят процентов. К обеду будет облако точек, к пятнице модель, к понедельнику можно сказать, сколько вынули за август. Иногда цифра не сходилась. Тогда можно было сесть и найти, где ошибся. Павел за это и любил свою работу, хотя Дёмину говорил, что за командировочные.

Дрон ушёл вверх с комариным звоном и через минуту стал точкой. На экране пульта поплыли уступы, серые, зеле-

новатые, опять серые.

Дёмин закончил с базой, отошёл к машине и затянулся своей электронной штукой. Павел стиснул зубы, ещё не разобрав запаха. Кокос.

Накануне у сетки от Корниловой пахло так же, кокосовым кремом и солью. Руку она пожала коротко, как отдают сдачу. У основания указательного была твёрдая мозоль. Потом она отвернулась, вытерла ладонь о юбку, и он заметил светлую полоску на безымянном. Кольца не было.

— Дёмин, можешь с подветренной?

— Это же пар, Павел Николаевич.

— С подветренной.

Дёмин ушёл за машину. Павел положил пульт на капот, поднял плоский камень с зелёной жилкой и подбросил над головой. Поймал. Подбросил ещё раз. Уходил влево. Будь это мяч, удар пришёлся бы в обод.

— Вы чего? — крикнул из-за машины Дёмин.

— Подброс.

— Чего?

— Смотри в свой телефон, Дёмин.

Вчера Руслан догнал его на парковке, когда Павел уже закинул сумку в багажник, поверх проводов для прикуривания.

— Самойлов. Лаптев в Сочи, учит богатых, обратно не собирается. Могу отдать тебя Кошкину на понедельник-среду. Там четверо мужиков, играют плохо, после пьют пиво. Могу

взять к себе на вторник-четверг.

— К вам, — сказал Павел. — Мне по времени удобнее.

Руслан перестал рыться в сумке и посмотрел на него.

— Время одно и то же, Самойлов. Восемь вечера.

— Дни удобнее.

— Как скажешь.

Руслан ушёл, покручивая ключи на пальце. Понедельник и среда устроили бы Павла даже лучше. По четвергам они сдавали съёмку за неделю. В прошлый раз он закрыл ведомость без четверти девять. Павел ещё у багажника написал коллеге, что возьмёт сводку по пятницам, если тот подменит его на сдаче. Получил в ответ «С пяти могу» и только тогда поехал.

Дрон вернулся и сел на брезент, горячий и пыльный. Дёмин уже держал вторую батарею. Солнце перевалило через отвалы и осветило дальнюю стену. На одном из снимков нижней полки почти не было видно. Павел вернулся на два кадра назад, потом ещё на два. Там она тоже была чёрная.

— У нас ещё два ряда. На одной батарее? — спросил Дёмин.

— Сначала вернёмся за этой полкой.

Дёмин сунул батарею ему в руку. Павел пересчитал, что успеет отснять за второй вылет. На оба ряда могло уже не хватить. Третья батарея стояла на зарядке в конторе.

— Съездим за третьей. Позвони в институт, облако будет после обеда.

Пока Дёмин звонил, Павел защёлкнул батарею и снова отправил дрон к дальней стене. Полка проступила на экране, вместе со свежей полосой от ковша. Про кокос он вспомнил уже на обратном пути, когда Дёмин опять полез за своей штукой.

* * *

В четверг в 6:12 в чате группы появилось сообщение от Лизы Корниловой:

«Руслан заболел, просил передать. Сегодня тренировки не будет. Корт до 21:30 оплачен, кто хочет, приходите играть. Администратора я предупредила».

Оля ответила «Русланчик, выздоравливай!!!» и тремя сердечками. Остальные промолчали.

Павел прочитал сообщение за завтраком, потом в метро, потом на работе, между двумя таблицами. Ему отдельно понравилось «Администратора я предупредила». В шесть двенадцать она уже объяснила человеку, что ему делать в восемь вечера. Павел представил, как она звонит администратору и тот, не проснувшись, говорит «да-да». Потом представил, что она пишет это ещё из постели, прикрывая экран ладонью, чтобы не разбудить того, кто рядом. На этом он закрыл чат и открыл таблицу.

Вечером на парковке у клуба стояло четыре машины, ни одной белой «Рио». Он выключил мотор, дочитал новость, которую прислал отец, и вышел. Корнилова сама дала знать всем, кто мог прийти. Павел не мог придумать, как спросить

её отдельно, будет ли она.

Девушка с колечком в брови за стойкой сказала: «А, вы от Корниловой» — и выдала корзину лысых серых мячей. Четвёртый корт был пуст. Фонари горели по углам, над ними уже вились мошки.

Первую подачу Павел умел. Подбрасывал мяч высоко и чуть вперёд, падал на него всем весом, и соперник успевал только повернуть голову. Лаптев пытался поставить ему вращение для второй, но Павлу не нравилось, как медленно летит мяч, и стоило ему сделать двойную ошибку, как он возвращался к своей плоской.

В обед он посмотрел видео без звука. Австралиец в белой кепке подбрасывал мяч чуть за голову, прогибался и проводил ракеткой снизу вверх, против шерсти, как гладят кота, которого хотят разозлить. Мяч перелетал сетку высоко и нырял в квадрат, будто передумал.

Павел подбросил, прогнулся, ударил. Сетка. Второй туда же. Третий перелетел и упал за линией.

Из первых двадцати в квадрат попали четыре. Он собрал мячи и начал снова. Из вторых двадцати попали шесть, и все шесть были такие, что Корнилова их съела бы и не поперхнулась. Заныло плечо. Футболка прилипла к спине. Из леса потянуло сыростью и Шарташем, стемнело по-настоящему, и мошки над фонарями сбились в облака.

В новой группе с одной подачей его съедят. Этого вполне хватало, чтобы остаться ещё на корзину. Павел проверил

время, прислушался к шороху шин за оградой и высыпал мячи.

В середине третьей корзины он посмотрел в левый квадрат, где во вторник она ждала его подачу, переступая на носках. Подбросил чуть левее и провёл ракеткой снизу вверх. Мяч перелетел сетку высоко, нырнул и отскочил под её двуручный.

Павел постоял. Она бы это взяла. И взяла бы с удовольствием.

В половине десятого фонари погасли разом, со щелчком, и корт провалился в темноту. Мячи он собирал по звуку, подгребая их кроссовкой к сетке. Последний нашёлся под скамейкой, мокрый от травы.

По парковке мазнули фары. Павел обернулся быстрее, чем было нужно. Из чёрного «Прадо» вылез мужик с золотой цепочкой, в той же кепке козырьком назад, следом его партнёр с полотенцем на шее.

— О! — мужик узнал Павла и обрадовался ему как родному. — Бронь!

— Бронь, — согласился Павел.

— У нас с десяти. Всё честно, — сказал мужик и показал ему телефон, хотя никто не просил.

* * *

В пятницу Сева жарил мясо на балконе, на электрическом гриле, который Катя запрещала включать уже четвёртый год. Жили они в Академическом, на девятнадцатом этаже, дом

был новый, и в лифте ещё пахло краской. Дверь Сева открыл со щипцами в руке, в фартуке «Шеф всегда прав», обнял Павла одной рукой, чтобы не испачкать, и сказал в ухо:

— Только сразу не беги. Её Вероника зовут.

— Кого?

— Увидишь.

Мирон потребовал показать подачу. Павел показал ложкой, опрокинул солонку, и Мирон остался доволен. Ася забралась к нему на колени, потрогала шрам под подбородком и спросила, что это.

— Клюшкой попали. Мне было двенадцать.

— Больно было?

— Не помню.

— А кровь была?

— Много.

Ася кивнула с уважением и слезла.

Веронику посадили напротив. Катя убрала оттуда Миронов стул, сказав, что ему удобнее с другого края. Вероника была ветеринаром, с короткими ногтями без лака и смешной манерой говорить о собаках как о коллегах: «Он у меня мальчик ответственный, но нервный». Она спросила, кем Павел работает.

— Маркшейдер.

— Это что-то с шахтами?

— С дырками. Считаю, сколько вынули из земли.

— И сколько вынули?

— Из Асбеста за август, думаю, миллиона полтора кубов. Точно скажу в понедельник.

— В понедельник вас можно будет переспросить?

Она засмеялась и тронула его за руку чуть выше запястья. Пальцы были прохладные и лёгкие. Павел передал ей хлеб. Вероника взяла ломоть, разломила, половину положила ему. Катя смотрела на них с другого конца стола. Павел откусил хлеб и спросил Веронику, давно ли она работает в клинике. Она ответила, что раньше ездила по вызовам, а теперь завела одну клинику на двоих с подругой. Спросила, знал ли он, сколько стоит рентген. Он назвал сумму за свой снимок в травме. Вероника сказала: «Вам повезло, что вы не лошадь».

— Теннис как? — спросил Сева. Абонемент достался Павлу через Севину работу, со скидкой, и Сева считал себя отчасти хозяином этого тенниса. — Отбиваешь?

— Отбиваю. Перешёл во вторник-четверг.

— Чего вдруг?

— Лаптев уехал. Теперь у Руслана.

— Тот, который орёт?

— Других там нет.

Сева положил ему ещё мяса. Катя потянулась за салатом и наконец перестала на них смотреть.

Потом они с Севой стояли на балконе. Сева курил, хотя бросил, и разгонял дым ладонью от двери, чтобы не увидела Катя. Внизу горел Академический, ровными рядами окон, а дальше, за пустырём, начинался старый город, неровный и

тёмный.

— Ну как тебе?

— Хорошая.

— Хорошая, — передразнил Сева. — Мать у меня тоже хорошая. Ты её завтра тоже до дома подвези.

— Вероника не знает, что ты мне в коридоре сказал?

— Я только имя сказал. Сам у неё спроси, если так интересно. Паш, у тебя работа, папа, теннис. Ты как пенсионер.

— Я как маркшейдер.

— Это одно и то же, — сказал Сева и затушил сигарету о перила.

В одиннадцать Катя сказала, что Вероника живёт на Уралмаше и Паше как раз по пути. По дороге Вероника рассказывала про таксу, которой завтра удалять зуб. Павел спросил, нельзя ли было оставить до понедельника.

— Можно было ещё год оставлять. Его бы к нам и не привезли, если б кусаться не начал.

На повороте под пассажирским сиденьем опять что-то прокатилось. Павел убавил радио. Когда он затормозил на красный, из-под сиденья выкатился стеклянный шарик. Вероника придержала его носком туфли и подняла. Мирон потерял его на прошлой неделе, когда они ездили за город. Она положила шарик в выемку над бардачком и достала телефон.

— Я хозяйке ещё раз напишу, чтобы утром не кормила. Она из жалости полсосиски даст.

У подъезда она помедлила.

— Катя сказала, вы молчаливый.

— Катя преувеличивает.

— Вы за вечер сказали слов двадцать.

— Двадцать три.

— Мне хватило, — сказала Вероника.

Она попрощалась и вышла. Павел подождал, пока в подъезде загорится свет. Вероника помахала ему уже от двери лифта. Ещё по дороге к её дому он собирался спросить номер. Было о чём написать в понедельник, когда посчитают, сколько вынули. Он снял шарик с панели и положил в пепельницу, чтобы опять не закатился. Потом открыл чат «Малахита». Оля со вчерашнего дня успела только предложить всем пить витамины.

* * *

В воскресенье он повёз отцу продукты. Отец ещё в субботу продиктовал по телефону весь список, как будто в прошлое воскресенье Павел брал что-то другое. Кефир, «Дарницкий», пельмени, гречка, сахар, батарейки для пульта. Себе Павел взял стиральный порошок, детский, с зайцем на коробке. Мать всю жизнь брала такой.

Отец жил в Берёзовском, на втором этаже хрущёвки, окнами на гаражи. Дверь открыл не сразу. В руке у него была лампочка, а посреди прихожей стояла табуретка.

— Ты куда лез?

— Никуда я не лез. Я менял.

— Пап. Тебе семьдесят один год.

— Я сорок лет под землёй лампы менял. Там табуреток не было.

Лампочку вкрутил Павел. Отец стоял внизу, держал табуретку обеими руками, как держат лестницу, и командовал: «По резьбе. По резьбе, говорю, не криви». Руки у него были большие, в старых белых точках от ожогов, и табуретка в них не шаталась. Павел смотрел сверху на его макушку, розовую сквозь редкие волосы, и думал, что табуретку надо унести на балкон. Отец бы заметил и обиделся. Павел поставил её обратно к стене.

Отец поставил вариться пельмени. Из комнаты телевизор сообщил, что в Центральной России ожидаются дожди.

— Ожидаются у них, — сказал отец телевизору.

Ели на кухне друг напротив друга. Отец поливал пельмени уксусом и ел медленно, по одному.

Материны очки лежали на подоконнике, в коричневом футляре, рядом с кактусом. Отец вытирал вокруг них пыль, а их самих не трогал. Павел каждое воскресенье смотрел на футляр, пока ел, и ничего не чувствовал. Он проверял это, как проверяют языком место, где был зуб. Там было гладко.

— Играешь свой теннис?

— Играю.

— С кем?

— С группой. Там стоматолог, женщина. Лет сорок пять.

— Стоматолог — это хорошо. Зубы.

— И Георгий Ильич. Шестьдесят три.

— Этот мне не нужен.

Павел засмеялся. Отец не засмеялся, но подвинул к нему сметану.

— И ещё одна, — сказал Павел. — Фуры возит.

— Сама?

— По телефону. Логист. Оля сказала.

Отец подумал, держа вилку на весу.

— По телефону — это ладно, — сказал он наконец и подлил уксуса.

* * *

Дома Павел загрузил машинку: две футболки, шорты, носки, полотенце. Засыпал порошок. Машинка загудела, набирая воду.

Он сел на край ванны и открыл чат. Сообщение от четверга стояло на месте, над сердечками Оли. «Администратора я предупредила». Он написал под ним «Спасибо, что предупредили». Посмотрел. Стёр. Написал «Спасибо». Стёр и это. С четверга прошло три дня. Поздно благодарить.

Он закрыл чат. Машинка уже стирала, ворочала за стеклом его серую футболку. Павел встал и пошёл ставить чайник.

3. На семь взяла

Лиза проснулась в 5:22, за восемнадцать минут до будильника, как в детстве перед турниром. В спальне было серо. Ступни с сентября по май у неё мёрзли, и она подсунула их Диме под икры. Он во сне дёрнулся, сказал «ы» и не отодвинулся. Лиза полежала, пока пальцы не согрелись, потом выключила будильник и встала.

Руслан лежал с пневмонией. Присылал в чат голосовые, в которых больше кашлял, чем говорил. Оля улетела в Турцию, Вадим пропал, как пропадал всегда. Вторую неделю группы не было. Лиза дважды выходила побегать вокруг дома. На повороте за аптекой нога сама искала, от чего оттолкнуться. Можно было дать себе круг побыстрее, но гнаться всё равно было не за чем.

В группу её записал Дима. Два года назад, на двадцать девять лет, он положил ей на тарелку рядом с тортом конверт. В конверте был абонемент к Руслану, вторник и четверг, на полгода вперёд. Клуб Дима нашёл в десяти минутах от её склада и съездил посмотреть корты, пока она была на работе. Ракетку Лиза не держала с четырнадцати. Первые две недели спускалась по лестнице боком, так болели икры. На указательном вылезла мозоль на старом месте, как будто всё это время ждала. Первые два четверга Дима приезжал с термосом. В первый раз громко захлопал после её двойной.

Во второй, пока она переодевалась, пошёл к Руслану узнать, как у неё получается. Руслан велел ему тоже принести ракетку. Дима объяснил, что привёз термос. В следующий четверг термос ждал Лизу у входной двери. Она взяла его и поехала одна.

Теперь Дима чаще всего уже спал, когда она возвращалась с корта. По субботам Дима уезжал на участок, пока Лиза разбиралась с рейсами. Если выпадал вечер дома, ей ещё звонили по рейсам, а Дима на листке сверял размеры стен.

На доске у администратора висел список старшей группы Нины Викторовны. Двенадцать фамилий, за два года ни одной новой. Лиза знала их все. Иногда после своей тренировки оставалась посмотреть, как они играют. Одна из Нининых женщин выходила к сетке сразу после подачи. Лиза решила, что с такой первой и она бы вышла. Потом женщина промахнулась первой, подала вторую мягко и всё равно побежала вперёд. Соперница вернула ей под ноги. Женщина с полулёта подняла мяч и осталась у сетки. Один раз Лиза догнала Нину Викторовну у выхода. Та придержала дверь и обернулась. Пока Лиза придумывала, как начать, Нина Викторовна спросила: «Ты выходишь?» Лиза сказала «спасибо» и вышла.

В пятницу Лиза написала в чат:

«Кто в воскресенье в семь утра? Самое дешёвое время. Возьму корт, если наберётся хотя бы двое».

Первым ответил Георгий Ильич: «Если колено позволит».

Потом час не отвечал никто. Лиза проверила бронь. Четвёртый ещё был свободен. Если колено не позволит, можно хотя бы поподавать. Она оплатила и написала: «На семь взяла».

Через минуту ответил Самойлов: «Нас четверо?»

«Пока двое», — написала Лиза, имея в виду себя и колено Георгия Ильича.

«Я буду».

Лиза положила телефон на подоконник и пошла чистить картошку. Первую обошла ножом в три движения. На кожуре, упавшей в раковину, осталось чуть ли не полкартофелины.

В воскресенье в 6:10, когда она стояла в прихожей с одним кроссовком на ноге, пришло от Георгия Ильича: «Колено. Играйте без меня. Правильно». Лиза засмеялась в голос и тут же зажала себе рот ладонью. Дима спал.

В половине седьмого на Сибирском тракте ей попалась одна поливалка. Над Шарташем лежал туман, из него торчали сосны. Когда Лиза свернула к клубу, в открытое окно потянуло холодом и прелыми иголками.

Серая «Октавия» уже стояла на парковке, с росой на крыше. Павел сгонял воду с корта резиновой шваброй. Ручка была короткая, ему приходилось сгибаться, и он гнал воду к краю длинными полосами, как косят. От него шёл пар.

Лиза посидела в машине. Потом взяла сумку и пошла.

— Доброе утро, — сказал он. — Георгий Ильич прислал

колено.

— Я видела. Вы давно тут?

— С полседьмого. У нас в карьере в шесть начинают.

Вода с его половины собиралась в лужицу под сеткой. Лиза взяла у столба вторую швабру.

— С той стороны подхватите?

Он перешёл к стойке, пригнулся и отжал резиной последний ручеёк. Лиза потянула к себе то, что перелилось, и он подождал, пока она сгонит воду к краю. Когда они выпрямились, она разглядела у него под подбородком белую чёрточку. Открыла рот спросить и вместо этого попросила придержать калитку.

* * *

Минут через десять солнце вышло из-за сосен и стало видно, где на корте ещё блестит вода. От покрытия пошёл пар. Лиза стянула толстовку, футболка поехала вверх следом, и она одёрнула её обеими руками. Даже не успела посмотреть, смотрел ли он.

Самойлов тоже снимал толстовку. На секунду показался светлый, незагорелый живот с тёмной дорожкой волос от пупка вниз, под резинку шорт. Лиза отвернулась к соснам. Сосны были как сосны. Она смотрела на них, пока он не сказал:

— Ну что, поехали.

Играли без счёта, с задней линии. Лиза посылала мяч высоко и глубоко в его левый угол. Он возвращал резаным, од-

ной рукой, несколько раз подряд, пока мог терпеть. Потом обегал мяч под правую и бил изо всех сил. Мяч улетал в сетку или в сосны.

— Семь, — сказала Лиза.

— Что семь?

— Вы на седьмом бьёте. Каждый раз.

— Не каждый.

— Считайте.

На следующем розыгрыше он стал вслух считать свои удары. На «семь» послал мяч выше обычного. Лиза вернула. На следующем ударе он сказал «восемь», уже тише. Перед двенадцатым Лиза снова сыграла под левую. Ей хотелось узнать, сколько он теперь протянет. Лиза сдвинулась к середине, ожидая, что он опять обежит мяч. Павел пробил слева, низко, по линии. Она проводила мяч глазами.

— Двенадцать, — сказал он.

— Засчитано.

В следующем длинном розыгрыше Лиза уже считала вместе с ним. Она гоняла его из угла в угол, а он возвращал всё, некрасиво, резаным, высоко, лишь бы перебросить. Терпел назло ей. На двадцатом ударе у неё загорелись бёдра. На двадцать пятом она подумала, что сейчас умрёт, и пусть лучше умрёт он. На тридцать первом Лиза опять ушла за заднюю, ожидая длинного мяча. Он укоротил. Тот перевалился через сетку и лёг. Она побежала, зная, что не успеет, и не успела.

Они стояли по обе стороны сетки и дышали. Он согнулся,

упёрся руками в колени.

— Тридцать один, — сказал он. Голос вышел хриплый и низкий, как со сна.

Лиза отвернулась и пошла за мячом к забору. Только на полпути сообразила, что мяч остался у сетки. Пришлось вернуться к сетке. Павел так и стоял напротив.

После этого он стал подрезать ей короткие. Лиза добегала, поднимала мяч и отступала. Павел до последнего ждал на месте, даже когда она третий раз сыграла туда же.

— Оставайтесь впереди, — сказал он.

— Я к сетке не хожу.

— Почему?

— Там стреляют.

Он засмеялся и подрезал ещё короче. Лиза подняла мяч почти у самого троса и шагнула назад. Он пробил мимо неё, аккуратно, по линии.

— Ещё раз, — сказала Лиза.

На пятый раз она осталась у сетки. Выставила ракетку навстречу мячу, и тот отскочил от струн в пустой угол. Она не поверила. Посмотрела на ракетку.

— О, — сказал он. — А вы говорите, стреляют.

Потом подавал он. Первую Лиза только провожала глазами, зато вторая удивила. Мяч перелетел сетку высоко и медленно, ударился о корт и прыгнул вбок. Она успела вернуть.

— Вторая. Помолились?

— Постился.

Павел снова взялся за рукоятку всей ладонью снизу, как за сковородку. В первую встречу он держал так же. Теперь пытался придать мячу вращение кистью, но стоило торопиться, и ракетка опять ложилась плашмя.

— Можно? — Лиза подошла.

Он повернул к ней кисть, не выпуская рукоятки. Лиза взяла его за запястье, повернула рукоятку у него в ладони и сдвинула указательный палец выше, отдельно от остальных. Он разжал пальцы, и ракетку пришлось придержать. Ладонь у него была горячая и сухая. От футболки пахло детским порошком. Такой большой мужчина пах как младенец, и она чуть не засмеялась.

— Как молоток держите. Будто гвоздь забиваете.

— Молоток я умею.

— Тогда попробуйте.

Она отпустила его руку и отступила на шаг, потом ещё на один: первый вышел слишком маленький. Лиза сжала пальцы. От его ладони они успели согреться. Ей вдруг захотелось, чтобы он положил руку ей на спину, под футболку. Повернулась к нему спиной и пошла на свою половину. От задней линии предложила играть на счёт. В первом же гейме взяла его подачу всухую. В следующих двух он едва поспевал за её мячами.

* * *

В восемь на соседний корт пришли две пенсионерки в козырьках. Лиза с Павлом собрали мячи. У сетки он протянул

ракетку ободом вперёд. Лиза не сразу поняла, потом стукнула своей. Звук вышел глухой и смешной, как у пластиковых стаканчиков, когда чокаются.

— Это что?

— В старой группе так делали.

— Глупо.

— Глупо, — согласился он.

Кофе в автомате был двух видов, «капучино» и «капучино с ванилью», и оба пахли одинаково, пакетиком. Они взяли по стаканчику и сели на скамейку у входа, на солнце. Лиза держала стаканчик двумя руками. Пальцы, которые на корте горели, опять начинали мёрзнуть.

— Руслан как? — спросил Павел.

— Кашляет. Говорит, к двадцатому выйдет.

— Тогда до вторника?

— Если выйдет.

Он кивнул и отпил. На скамейке между ними лежала его ракетка. Обмотка протёрлась как раз там, куда он по привычке ставил большой палец. К следующему воскресенью опять туда поставит. Лиза уже подумала «к следующему воскресенью» и только тогда заметила, что Павел про него ничего не сказал.

— Перемотайте, — сказала Лиза.

— Что?

— Обмотку. Палец туда сам лезет, пока пятно видно.

Он взял ракетку, сжал рукоятку как раньше и поглядел,

куда пришёлся большой палец.

— Дома есть новая.

Он опять положил ракетку на скамейку. Лиза допила кофе, тёплый и гадкий.

По дороге домой Лиза остановилась у пекарни на Малышева и взяла четыре круассана: два с миндалём Диме и два обычных. Пекарня только открылась, пакет запотел изнутри. К ВИЗу от первого обычного осталась половина. Лиза отрывала его пальцами прямо за рулём.

Дима сидел на кухне в футболке «Спартакиада энергетиков — 2019» и пил кофе. На плите стояла турка. От запаха на кухне автоматный кофе задним числом становился ещё гаже.

— С миндалём? — спросил он, увидев пакет.

— Два.

— Жена. — Он встал, поцеловал её в висок, в мокрые у корней волосы, и сел обратно уже с круассаном. — Как поиграли? Кто был?

— С Пашей из группы. Он тоже любит рано.

— Это правильно, — сказал Дима с полным ртом. — Рано — это правильно.

Лиза засмеялась. Дима засмеялся тоже, ещё не зная над чем, и крошки посыпались на «Спартакиаду». Он придвинул к ней свою чашку. Кофе остался на дне, Лиза допила.

— Я на участок, — сказал он. — Женька про крышу хочет поговорить. Там стропила будут, ты не поедешь, ты стропила

не любишь.

Стропила она действительно не любила.

Когда за ним закрылась дверь, Лиза открыла приложение клуба. Воскресенье, 7:00, корт 4. Свободно. Можно было снова написать в общий чат. Она купила час, не дожидаясь, кто ответит.

Потом она нашла в чате группы его номер и написала ему отдельно, первый раз:

«Взяла на следующее».

Поставила чайник. Ответ пришёл, пока вода ещё только начинала шуметь:

«Я буду».

Она стояла у плиты в толстовке и держала телефон двумя руками. Чайник свистел, наверное, уже давно.

4. А. Понятно

К концу сентября Павел знал про её футболки больше, чем про свои.

Шестого была серая, застиранная, с облезлой надписью на спине «ДЮСШ № 3 Н. Тагил». Тринадцатого чёрная. Лиза быстро в ней взмокла и всё время отлепляла её от живота. Двадцатого сиреневая, с маленькой дыркой под левой рукой. Дырку было видно, только когда она подбрасывала мяч. Про дырку он вспомнил в понедельник, когда сам полез за футболкой в ящик. Свою натянул, даже не глядя.

Со второго воскресенья он приезжал в 6:40. Её «Рио» заезжала на парковку в семь ноль пять и вставала у кривой сосны. Мотор глох, а дверь не открывалась ещё минут пять. Павел видел это с четвёртого корта, когда сгонял воду. Однажды довёл швабру до самого забора. Сквозь боковое стекло он увидел Лизу: она сидела, положив обе ладони на руль. Можно было окликнуть её, тогда она бы вышла. Павел нагнулся убрать под сеткой сосновую ветку, а когда выпрямился, Лиза уже шла к калитке. Он подвинул швабру, чтобы ей было куда поставить сумку.

С двадцатого вернулся Руслан, худой и злой, с кашлем, который он заглушал криком «Ноги!». По вторникам и четвергам они снова были Самойлов и Корнилова и играли с тем, кого поставит Руслан. Оля вернулась из Турции корич-

невая и в первый же вторник сказала ему:

— Самойлов, вы похудели. Влюбились?

— Подачу учу.

— Ага, подачу.

Оля шлёпнула его ракеткой пониже спины. Лиза в это время завязывала шнурок и не подняла головы.

По воскресеньям Руслана не было.

* * *

Двадцатого Павел увидел у неё на бедре синяк. Желтоватый, с зелёным краем, размером с мяч, чуть выше колена, там, где кончалась юбка. Он сразу вспомнил тот мяч. Неделю назад она вышла к сетке, а он ударил с лёта, не глядя, и попал ей в ногу. Лиза сказала «ай», потёрла и сказала, что ничего.

— Это я? — спросил он.

Она посмотрела вниз, на ногу, потом на него.

— Это вы.

— Простите.

— Ещё чего.

Она пошла подавать. Когда наклонялась за мячом, юбка поднималась чуть выше и открывала синяк целиком. Павел раньше не видел, чтобы от теннисного мяча оставалось такое пятно. Первые три мяча он вернул в сетку, четвёртого даже не коснулся.

Артур подошёл в перерыве, когда они пили воду у скамейки. С середины сентября на первом и втором кортах по воскресеньям в семь снова играла старшая группа Нины

Викторовны. Артура Павел уже знал в лицо: высокий, в белом, с повязкой на лбу, как у теннисистов из девяностых. У него была такая подача, что Нина Викторовна говорила ему «так». Другим она не говорила ничего.

— Лиз, — сказал Артур так, будто они были знакомы сто лет. Может, и были. — Видел твой слева. Хороший. В среду у нас спарринги, приходи постучать.

— В среду я работаю.

— Позже приходи. Мы до десяти.

— С кем играть?

— Со мной, — сказал Артур. Кивнул Павлу, а дальше опять заговорил с Лизой: — Я смотрел, как твой напарник подаёт. Первая у него оружие массового поражения. А вторая — гуманитарная помощь.

Лиза засмеялась, закинув голову. Павел завинтил крышку на бутылке с водой.

— Посмотрим, — сказала Лиза Артуру про среду.

Артур ушёл к своим, на ходу подбивая мяч ракеткой. Павел дождался, пока он выйдет за калитку, и пошёл подавать.

Попал первой, взял очко. Следующая пришлась за линию. Он ударил второй изо всей силы, и Лизе не пришлось принимать. На следующем очке вышло то же самое. При счёте пятнадцать — тридцать она осталась у задней линии с опущенной ракеткой.

— Вы будете подавать мне или в забор?

— Вы же всё равно берёте.

— Когда долетает, беру.

Павел подождал, пока она поднимет ракетку. Ударил изо всей силы и на этот раз попал. Лиза вернула длинно под левую. Павел срезал в середину, и она шагнула внутрь корта, чтобы пробить по линии. Артур на разминке мог с левой держать соперника за задней. Павел после такого приёма сам отступал за линию. До конца часа он подавал изо всех сил. Если первая не шла, подавал её ещё раз. Лиза взяла у него два гейма. После последнего мяча она остановилась у сетки. Павел наклонился к шнурку, который и так держался.

У сетки они стукнулись ободами.

* * *

Вечером она написала первой:

«Артур про среду говорил. Они до десяти играют. Сказал, мне надо с теми, кто сильнее»

Павел прочитал в машине у отцовского подъезда, с пакетом кефира на коленях. У Артура и правда была сильнее подача. Лиза, наверное, этого и ждала от него: чтобы он подтвердил очевидное. Он набрал «Сходите». Выходило так, будто он ей разрешал. Павел стёр и написал:

«А. Понятно.»

Точку он поставил нарочно. Отправил и сразу пожалел про точку.

«Что понятно?» — пришло через минуту.

Он не ответил. Поднялся к отцу, разобрал пакеты, починил пульт, который не был сломан: батарейки стояли на-

оборот. Потом они пили чай. По телевизору снова обещали осадки в Центральной России. Отец выругался, что дальше Волги у них ничего нет. Павел проверил, не пришло ли ещё чего-нибудь, и убрал телефон.

На лестнице, уже через час, написал:

«Что у вас хороший слева»

«Это я и без Артура знаю», — пришло сразу, будто она весь этот час держала телефон в руке.

На площадке пахло картошкой и чьей-то кошкой. Павел постоял у открытого окна, перечитал и пошёл вниз, перескакивая через ступеньку, как в школе.

* * *

В следующее воскресенье он опоздал.

На заправке на выезде с Эльмаша в кофемашине кончились зёрна, когда первый стаканчик был уже готов. Девушка за стойкой пошла за новым пакетом. С одним стаканчиком Павел ещё успел бы к семи. Он дождался второго и попросил насыпать в него побольше корицы.

Два больших кофе он поставил в подстаканники. На выезде с заправки придержал их ладонью.

На парковку въехал в 7:10. «Рио» уже стояла у кривой сосны, пустая. Павел пошёл к корту, обжигая пальцы сквозь картон, и у зелёной ветрозащитной сетки услышал голос Артура.

— …ну пошли к нам, пока твой не пришёл. У Нины одного нет, она разрешит.

— Я жду партнёра, — сказала Лиза.

— Да он, может, не приедет.

— Приедет.

Павел остановился. За сеткой были видны две тени и Артурова макушка с повязкой. Горячо стало сначала пальцам, потом лицу и шее.

Артур что-то сказал, неразборчиво, засмеялся один и пошёл по дорожке к первому корту. Проходя мимо Павла, кивнул ему.

Лиза стояла у скамейки. Павел вошёл в калитку. Она посмотрела на него и только потом на кофе.

— Вы опоздали на одиннадцать минут.

— На десять.

— На одиннадцать. Это что?

— Кофе. Настоящий. Из автомата пить нельзя, вы сами говорили.

— Я не говорила.

— Вы так пили, что было понятно.

Она взяла стаканчик двумя руками, сняла крышку и подула. Отпила слишком много и поморщилась. Потом опять закрыла стаканчик, провела пальцем по краю крышки и поставила на скамейку.

— Вы же ракетку перемотали, — сказала она.

Павел взялся за рукоятку. Заметила. Даже пока он держал ракетку под мышкой.

— Да. Пятен больше нет.

— А большой палец у вас опять туда же.

В то утро Лиза била коротко и быстро. Павел доставал у неё мячи, которые неделю назад только провожал глазами. На двадцатом ударе он сбился со счёта. В середине часа у неё растрепался хвост. Лиза зажала резинку в зубах, подняла руки и посмотрела на Павла поверх локтя. Он смотрел. Она не отвела глаз и продолжала собирать волосы, медленно вытаскивая из-за воротника последнюю прядь.

Первым отвернулся он.

Потом они сидели на скамейке и допивали холодный кофе. Лиза держала стаканчик у рта и понемногу обкусывала край крышки. На первом корте Нина Викторовна сказала кому-то «нет», и это «нет» было слышно через три корта.

— Артур, кстати, прав, — сказала Лиза.

— Про что?

— Про гуманитарную помощь.

Павел засмеялся. Смеяться было так легко, что он смеялся дольше, чем стоила шутка.

— В среду пойдёте?

— Нет.

— Почему?

— В среду я работаю, — сказала Лиза, встала и пошла к машине.

Стаканчик она оставила на скамейке. На крышке по краю остались маленькие полукруглые вмятины. Павел взял его, чтобы выбросить. У урны пропустил двоих с первого корта.

Они спорили, кто забыл закрыть машину. Когда они прошли, урна осталась у него за спиной. Павел замедлил шаг, но так и не обернулся. В машине поставил стаканчик рядом со своим и поехал к отцу.

Часть вторая. Первый сет

5. Майка

В воскресенье в шесть Лиза посмотрела прогноз. До полудня ничего не изменится. На радаре Шарташ был сплошь синий. Лиза написала «Вы всё равно поедете?», но отправлять не стала: сама-то она уже надела кроссовки. Без пяти семь приехала в клуб. Серая «Октавия» стояла на парковке. Лиза встала у кривой сосны и выключила мотор.

В 7:04 пришла фотография. Посреди четвёртого корта кренилась на ножках корзина, которую Руслан забыл ещё в четверг. Вокруг плавали мячи.

«Корзина всплыла»

«Вижу», — написала Лиза.

За мокрым стеклом он обернулся у калитки и посмотрел на её машину. Лица не было видно, только капюшон.

«Вы в машине?»

«Я в машине»

«Выходите»

«Там дождь»

«Я знаю. Я в нём стою»

Лиза взялась за ручку двери. Сказать бы «давайте подождём у меня, пока пройдёт». Она сама только что посмотре-

ла прогноз. Лиза засмеялась и не вышла. Павел постоял у калитки, потом пошёл вылавливать мячи. Наклонялся за каждым, пока корзина не наполнилась. Толстовка на спине потемнела и облепила лопатки. Лиза включала дворники всякий раз, когда переставала его видеть. Он отнёс корзину под навес, помахал ей мокрой рукой и уехал. Лиза ещё посидела и послушала дождь.

* * *

В первый вторник октября, за двадцать минут до тренировки, Лиза стояла в женской раздевалке «Малахита» в лифчике и держала в руках две футболки.

Раздевалка была размером с купе. Пахло мокрыми полотенцами, чужим дезодорантом и почему-то хлоркой, хотя бассейна в клубе не было. Под потолком потрескивала лампа.

Серая была тагильская, из спортшколы. Буквы на спине за столько стирок стали похожи на следы от протектора. Голубую Лиза купила в июле на распродаже, один раз надела дома, посмотрела в зеркало в прихожей и убрала на дно ящика, под купальник.

Сначала она надела голубую. Тонкий трикотаж сразу прихватило к спине. В зеркале с отбитым углом проступили рёбра и край лифчика. Лиза втянула живот, потом нарочно отпустила. Подняла руку, как для подброса. Подол почти не двинулся. Ей и правда было в ней удобно. Она сняла голубую и надела серую.

Серая висела. В четырнадцать лет Лиза за это и полюбила большие футболки, отцовские, с рукавами до локтей. На сборах в Кушве тренер поставил их в одну шеренгу у забора. Велел всем бежать до задней линии и обратно, а её одну задержал на втором круге. При всех сказал: «Локти от груди убери. Придётся тебе теперь заново учиться бегать». Мальчишки заржали. Лиза засмеялась вместе с ними, громче всех. Через месяц сказала отцу, что теннис ей надоел. Отец спросил почему. Она сказала: надоел.

За стенкой, в мужской раздевалке, кто-то хлопнул дверцей шкафчика и засмеялся. Лиза узнала смех. У неё мелькнуло, что он ещё успеет выйти раньше неё, и вдруг она пожалела, что надела серую. Она уже взялась за ручку двери. Голубая так и лежала на скамейке, вывернутая наизнанку. Лиза вернулась, чтобы хотя бы сложить её.

Лиза стянула серую через голову. Резинка слетела с хвоста. Лиза натянула голубую, и волосы полезли в ворот. Она высвободила их и сказала в пустой раздевалке:

— Да пошёл ты.

Чёрную резинку пришлось вытащить из-под скамейки носком кроссовки.

Самойлов нёс корзину с мячами. Когда они встретились у калитки, развернулся боком, пропуская её. Она уже шагнула мимо, а он только спросил, был ли корт сухой, когда она уходила в воскресенье. Лиза сказала, что не смотрела, и пошла к сетке. Оля сказала «ого, голубая» и показала руками что-

то вроде песочных часов. Руслан, кашляя в кулак, свистнул: игра с лёта, двое на двое. Чья ошибка, тот отжимается.

Лиза оказалась у сетки в двух метрах от Самойлова. Руслан вводил мячи с задней линии на той стороне. Приходилось держать ракетку перед собой повыше. Между ударами Лиза всё поглядывала вбок. Самойлов считал вполголоса: «Пять. Шесть». На девятом достал низкий мяч, едва не упал и сказал коротко, из живота:

— О.

Лиза повернула голову на это «о». Следующий мяч прошёл у неё над плечом.

— Корнилова! — крикнул Руслан и закашлялся. — Ноги!

Она отжалась десять раз. К ладоням прилип песок с покрытия. Лиза вытерла руки о юбку и поднялась. Самойлов говорил Вадиму, где встать. Его можно было позвать по фамилии, он бы повернулся. Лиза расправила пальцы на рукоятке и попросила Руслана начинать. В следующей серии она ни разу не обернулась. На девятом сама сказала:

— Десять будет.

И взяла десятый.

«Доехали?» — пришло в 22:17.

Лиза сидела в машине у своего подъезда с заглушённым мотором и уже минут пять не выходила.

«Доехала. Вы?»

«Я ещё на парковке. Руслан рассказывает мне про свою пневмонию»

«Сочувствую пневмонии»

Три точки появились, пропали, появились снова.

«Майка новая?»

Лиза подняла глаза. На седьмом этаже горел свет. Дима ходил по кухне: у одной створки мелькала его голова, потом у другой.

«Старая. Просто не надевала»

«Почему?»

Лиза набрала «Я её для вас надела». Прочитала, стёрла и пошла домой.

* * *

В среду в 7:03 пришла ещё одна фотография, без подписи. Серое, рыжее, туман, огромная воронка, уходящая вниз ступенями, и на дне игрушечные машинки с фарами. Лиза разглядывала её в лифте по дороге вниз.

«Это что?»

«Работа»

«Красиво»

«Это дырка»

«Красивая дырка»

«Самая большая на Урале»

Три точки. Долго.

«Я про карьер»

Лиза прислонилась к стенке лифта. В зеркале у неё краснели уши. На первом этаже соседка с мопсом придержала дверь и оглянулась. Лиза прикусила губу, но из лифта всё

равно вышла смеясь.

В десять, на планёрке, Виктор Палыч, двадцать лет возивший плитку по Уралу, объявил, что с ноября уходит в Тюмень к конкурентам. Посмотрел на Лизу. Потом на неё посмотрели все. Дина с дальнего конца стола подняла брови до самой чёлки.

После планёрки генеральный, Олег Борисович, остановил Лизу в коридоре.

— Елизавета Андреевна, ответ в последний понедельник октября. Надеюсь, «да». Сургут раз в месяц, Тюмень по ситуации. Телефон, сами знаете, круглосуточно. Зато оклад.

Он назвал цифру. Лиза уже собиралась сказать, что подумает, но представила ноябрьское утро: Виктор Палыч у новых хозяев, на её столе тот же список рейсов, а в дверях Олег Борисович спрашивает, где клей на Сургут.

— Мои рейсы кому отдадите?

— Сургут знаете вы, там лучше пока никого не трогать. Потом посмотрим.

— А Тюмень?

— Лиза, про Тюмень потом. Помните, вы просили развести машины по времени? В Сургуте новый склад. Сядете с заведующим, сделаете расписание. Договор пока не подписан.

В феврале к открытию у одной рампы встали пять её машин. Пятую отправили на стоянку до утра. За простой заплатили тоже они.

— А пока я у заведующего, кто по Сургуту трубку берёт?

— Рейсы мы распределим.

— Я подумаю, — сказала Лиза.

Ещё летом она предлагала Палычу развести диспетчеров по сменам и завести одну таблицу рейсов на всех. Он согласился с таблицей, а смены велел не трогать. Теперь таблица открывалась у всех, но после шести водитель всё равно звонил тому, чей номер знал. В прошлый раз Лиза прямо с корта объясняла Сергеичу, где взять ключ от ворот. Палыч тогда даже позвонил потом узнать, чем кончилось. Мог бы первым снять трубку.

Вечером Лиза рассказала Диме. Дима понял раньше, чем она договорила.

— Тебя поставят.

— Может быть.

— Кого ещё? Там плюс сколько?

Лиза сказала. Пока объясняла про Сургут, Дима открыл ипотечный калькулятор банка. Дом под Арамилью, первый взнос, обе зарплаты. Старую Лизину он заменил новой и повернул к ней экран.

— Смотри. Если вот столько в месяц, можно двадцать лет взять вместо двадцати пяти. На переплате посмотри.

Лиза посмотрела. Пять лет разницы — немало.

— Там до ночи. И выходные. И Сургут.

— А сейчас ты во сколько приходишь? Во вторник? В четверг?

Он спросил без упрёка, всё ещё держа перед ней телефон. На экране можно было пальцем двигать срок в обе стороны. Лиза знала, что, если скажет сейчас про корт, Дима предложит перенести его на другой день.

— Сейчас я прихожу, когда хочу.

Дима посмотрел на неё и убрал телефон.

— Смотри сама, — сказал он и пошёл смотреть «Автомобилист».

Из комнаты было слышно комментатора, потом Димино «ну кто так играет». Лиза открыла калькулятор у себя. С её нынешней зарплатой на двадцать лет тоже можно было взять. Тогда после платежа в хороший месяц осталось бы на еду, бензин и ещё чуть-чуть. Она поставила двадцать пять обратно.

* * *

В четверг Дина курила у рампы, в стёганой жилетке поверх офисной блузки, и стряхивала пепел в банку из-под затирки. Под рампой разгружалась фура с плиточным клеем. Грузчики ругались на поддоны, пахло соляркой, мокрым картоном и цементной пылью, которая садилась даже на ресницы.

— Ну что, начальница.

— Не знаю ещё.

— А что он про твои рейсы сказал?

— Посмотрим, говорит.

Дина затянулась и выпустила дым в сторону фуры.

— Так пусть сейчас посмотрит. Сургут одна не возьму. У меня по средам Лёва, в половине седьмого из бассейна забирать. Вчера он сам до проходной дошёл. Охранник ему уже чай налил, а я всё выясняла, куда клей выгрузили.

Лиза взяла у неё из пальцев сигарету. Дина не успела возразить. Лиза не курила с пятого курса, затянулась слишком сильно и закашлялась.

— Отдай сюда, начальница, — сказала Дина и забрала сигарету. — Ты же список смен тогда делала. Покажи ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.